

*опыт иной, нисколько не исключаящий первый: опыт, проникающий сквозь заслон очевидного в ощущениях. Согласно Бэкону, это опыт мистический, даруемый божественным озарением, в отличие от опыта человеческого, данного в ощущениях. В мистическом опыте, по Бэкону, и таится постижение бога как первопричины всего. Следствия же подведомственны опыту внешнему и постигаются созерцательным наблюдением. Но если причина (бог) понимается как наибольшее бытие, то следствие лишь к нему сопричастно. Между тем причина (причина причин) у Бэкона отсечена от мира творений, но всегда имеется в виду. Вещи в мире вещей кажутся самоценными, хотя их самоценность всепрежде всего божественна. И все-таки в познании как в целокупном акте теоретическая чувственность (опыт есть созерцание — *admiratio*) отождествлена с опытом мистическим. Причем последний предшествует непосредственному созерцанию. Поэтому бэконовский индуктивизм проявляется лишь в сфере доказательства. На деле же, то есть в интуиции, теория познания Бэкона дедуктивна.*

В интуиции... Это не оговорка. Переход ко всеобщему основанию у Бэкона есть озарение — интеллектуальный, фаворский свет; но и чувственный. И тот и другой предстают в своей одновременности, частичной тождественности. Свет как субстанция, исследованию которой и посвящена оптика Оксфордской школы, понимается как универсальная деятельность, в которой опыт чувственный и опыт мистический живут купно и нераздельно. Поскольку, однако, идея субъекта снята в озарении, постольку мир вещей мыслится относительно объективированным. Это ведет к пониманию мира как изделия, изготовленного природой ли, богом. Важно, однако, что изделия. Творец, теург, демиург, мастер, ремесленник... Такое снижение в роджер-бэконовском контексте вполне естественно.

*Опытная наука «одна дает совершенное знание того, что может быть сделано природой, что — старательностью искусства, что — обманом...» (с. 874). Подчеркну здесь слово сделано [*factum(est) от facere, facio*]. Не сотворено, а именно сделано. Далее: «Опытная наука, владычица умозрительных наук, может доставлять прекрасные истины в области других наук, истины, к которым сами эти науки никаким путем не могут прийти. Истины эти не относятся к сущности начал, а полностью находятся вне их, и хотя принадлежат к этим наукам, но не составляют в них ни выводов, ни начал» (с. 875). Подчеркну здесь вне их. Отсюда прямой путь к нужному в быту делу: «...практическая геометрия создает зеркала, способные сжечь все сопротивляющееся огню»; «все, что обладает удивительной пользой для государства, принадлежит... к опытной науке» (там же, с. 876). Пользой для государства — подчеркну и это. Опытная наука «относится к другим так, как искусство мореплавания к умению править повозкой или как военное искусство к простому ремеслу. Ибо она предписывает, как делать удивительные орудия и как, создав их, ими пользоваться, а также рассуждает обо всех тайнах природы на благо государства и отдельных лиц...» (с. 877).*